

Савицкий С. Г.

**Предыстория спора «нестяжателей» и «иосифлян»:
по материалам древнерусских памятников канонического права**

Вопрос о канонической оценке материального благосостояния православной Церкви был одним из самых острых и животрепещущих в период христианизации Древней Руси. Уже начиная с XI в. он регулярно возникал в церковной жизни в различных преломлениях: как вопрос о материальном обеспечении церковной иерархии (а значит о формах и объемах такого обеспечения), о праве владения имуществом (землями, недвижимостью), об организации различных налогов в пользу епархий, и даже в таком преломлении как дискуссии относительно возможности/невозможности применения практики симонии (рукоположение в священный сан за деньги) в церковной традиции.

Эта сторона религиозной жизни Древней Руси нуждается сегодня в более детальном рассмотрении, так как данный вопрос возникает и сегодня также регулярно в поле общественно-церковных дискуссий. А знание прошлого, в частности знание истории и особенностей развития религиозной жизни в период Русского Средневековья, когда и происходило складывание религиозных констант, помогут нам адекватно оценить и сегодняшние характерные черты официальной и «народной» религиозности, посмотреть под другим углом на дискуссии в социальном пространстве по вопросу имущественного права православной Церкви.

Спор иосифлян и нестяжателей является, несомненно, одним из ярких эпизодов церковной, общественной и культурной жизни нашего Отечества. Полемика двух «партий», имевшая место в пространстве русской культуры на рубеже XV–XVI вв., вскрыла внутренние противоречия и нестроения в религиозной жизни, противоречие между «официальным» (иерархическим) и «народным» православием. Говоря о предыстории спора нестяжателей и иосифлян, мы лишь подчеркиваем то, что данный спор не был *стихийно* возникшим явлением церковно-общественной жизни, он не является случайным явлением русской религиозной культуры. Конфронтация возникла вследствие определенной церковной «политики», планомерно проводившейся церковной иерархией в период русского Средневековья. Наиболее ценные и информативные источники по данному вопросу – это памятники канонического права Древней Руси, отразившие различные стороны религиозной жизни в период христианизации. Эти документы как нельзя лучше иллюстрируют «официальную» церковную позицию по различным вопросам; на основании данных источников мы можем попытаться выделить некоторые характерные особенности религиозного мира Русского Средневековья, понять, в частности, какие именно шаги были предприняты на пути к известному спору Иосифа Волоцкого и Нила Сорского и их последователей¹.

¹ Мнение о том, что данный спор был по преимуществу спором двух личностей, должно быть скорректировано, на основании имеющихся источников правильнее говорить о споре двух «партий», последователей Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, более того,

На протяжении периода христианизации (вплоть до конца XV века) православная Церковь стремилась утвердиться не только как нравственная сила или как собственно религиозная институция, но и как самостоятельный субъект хозяйствования. Церковь считала своей задачей добиваться материально-финансовой стабильности и самостоятельности. Значительное количество канонических документов посвящено непосредственно теме неприкосновенности церковных земель и другого имущества, во многих грамотах и посланиях данная тема затрагивается и обсуждается. В качестве «официального» курса, определенной политики, была избрана «стяжательская» позиция, согласно которой Церковь должна утвердиться как субъект хозяйствования; финансовое, имущественное обеспечение церковной иерархии – вот что должно быть существенной заботой как власть предрежащих, так и простых верующих.

Предысторию спора иосифлян и нестяжателей нужно начинать рассматривать с таких канонических документов как Уставы князей Владимира и Ярослава (с нач. XI в.). Они имели первостепенную важность для организации деятельности христианской церкви в Древней Руси. Посредством данных канонических документов Церкви были делегированы некоторые судебные полномочия, установлены принципы материальной поддержки церковной организации посредством десятины и налогов. Материальная база Церкви складывалась из княжеских пожертвований – десятина на содержание «Церкви Богородицы», построенной князем, и десятины от судов². В редакции текста Устава, датируемой XIII веком читаем: «По томъ же летом многым минувшем, создах церковь святыя Богородица Десятиньную и дах ей десятину»³. Также церковный налог взимался «из торгу десятую неделю и из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого живота»⁴. Церковная казна пополнялась за счет таможенных сборов: «из торгу десятую неделю» – у Церкви было право собирать подати с торговых операций одну неделю из десяти (или десятину от таможенных сборов со всех торгов).

Устав князя Ярослава также затрагивает тему материального обеспечения Церкви. Из этого документа мы узнаем, что церковной власти (митрополиту) перечислялись также средства из суммы штрафов за различные правонарушения, часть которых рассматривалась самой же Церковью. Например, – «Аще жена будет чяродеиница или наузница или волъхва или зелеиница, или мужь доличив казнить ю, а не лишиться митрополиту 6 гривен»⁵.

Очень важный памятник канонического права Древней Руси – это итоговый документ Владимирского собора 1274(3) г., «Правило митрополита Кирилла». Значительная часть текста данного документа – это вопрос о поставлении в священник сан за мзду (симония). Владимирский собор отражает реалии религиозной жизни Древней Руси в XIII веке. По вопросу материального обеспе-

есть основания утверждать, что спор не является эпизодом собора 1503 г., он возник позже. Так или иначе, данный вопрос дискуссионный. См.: *Петрушко В. И.* Московский собор 1503 г. // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 9–20.

² Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. М., 1952. С. 237.

³ Там же. С. 244.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 269.

чения церковной иерархии здесь нет сведений, но характерную «стяжательскую» позицию, ее развитие, демонстрирует, как нам кажется, непримиримая позиция по вопросу взимания со ставленников определенной мзды (7 гривен), попытка канонически узаконить данную совершенно антиканоническую и идущую вразрез с текстами Писания практику.

Первое правило постановления Собора посвящено вопросу о симонии. Сначала митрополит Кирилл обличает порочную практику взимания «неких уроков» (налогов) при рукоположении, напоминая и каноническую оценку данного явления. Парадоксально, но ключевая для нестяжательского дискурса евангельская цитата «невозможно Богу работати и мамоне» (Мф. 6, 24) также приводится в тексте памятника.

Собор восставал не только против рукоположения за деньги (собственно симония), но и против других видов незаконных «налогов»: «прочее от сего времени аще кто явится от святого нашего сбора, или игумена в игуменство, емля от него что, свящя на мзде, рекомое «посошное»⁶, или постригая мирьскаго попа на мзде в игуменство, или попа поставляет к церкви, емля у него что, да будут извержению; ходатайствующие же да будут прокляти»⁷.

Казалось бы, заявленное изначально стремление не отступать от буквы канонических правил, дальнейшее их цитирование, приведение подтверждений из текста Библии, должно было бы привести к тотальному осуждению практики симонии. Однако этого не произошло, собор узаконил традиционно-укоренившуюся мзду в 7 гривен⁸ клирошанам: «Не взимати же у них ничтоже, разве якоже аз уставих в митрополии, да будет се во всех епископах: да возмут клирошане 7 гривен от поповства и от диаконства от обоего»⁹. Клірошане – это члены церковной организации *священнослужителей*, клироса. Кліросы – городское явление, форма организации соборного духовенства. Именно клиросы, имевшие широкие богослужебные, административные и хозяйственные полномочия, занимались кроме всего прочего вопросами организации хиротонии, «в ведении соборного клироса при епископе находилась организация поставления священников и диаконов»¹⁰. Легитимация практики симонии находится в тексте постановлений Владимирского собора после длинного увещания о том, каковы должны быть кандидаты в священный сан, роковая цитата о законности платы за хиротонию появляется как бы вскользь, находясь уже в совершенно другом тематическом контексте. Объяснить это можно тем, что составителям итогового до-

⁶ Возведение в игуменство не есть таинство хиротонии, это особенный чин, который можно уподобить награждению или «повышению». Игумену, как начальствующему над монахами, давался посох, отсюда, видимо, и «посошное». Обычай взимания мзды так укоренился, что некоторым особым видам церковной коррупции уже были присвоены свои именованья, о чем знали и собравшиеся иерархи.

⁷ Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. СПб., 1880. С. 86.

⁸ Мзда в 7 золотых монет была узаконена и в правиле константинопольского патриарха Алексия Студита (1025–1043), которому, возможно, и следовал митрополит Кирилл II, см.: Печников М. В. К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 101.

⁹ РИБ. Т. 6. Ч. 1. С. 92.

¹⁰ Шапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 64.

кумента Владимирского собора было понятно, что приводить это указание сразу после инвектив против симонии было бы явно нелогично и абсурдно, поэтому оно и появляется после обширного текста про отбор кандидатов на принятие священного сана. Другое возможное объяснение – слова о семи гривнах находятся явно не на своем месте, в связи с этим здесь может иметь место интерполяция, позднейшая вставка в изначально составленный текст, причем эта вставка внесена была, возможно, самим митрополитом при редактировании текста итогового документа Владимирского собора.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод церковной жизни XIII века, является, на самом деле, важной вехой церковной политики в отношении материального обеспечения Церкви. Мы можем зафиксировать неготовность церковной иерархии идти даже на небольшие уступки, что привело, в том числе, к протестным движениям стригольников и жидовствующих, ведь русские еретики не хотели участвовать в таинствах Церкви именно потому, что их совершают священники, поставленные «на мзде», а значит и сами таинства не являются «спасительными». Как пишет современный исследователь А. И. Алексеев: «Очевидно, что в XIV в. обычай мзды за поставление приобрел значение первостепенного вопроса и стал *центральным* пунктом разногласий между стригольниками и церковью»¹¹. В кон. XIV – начале XV века ситуация с коррумпированностью церковной иерархии была просто удручающей. Из различных источников можно узнать, что кроме узаконенной «мзды» в 7 гривен за хиротонию, епархиальное низшее духовенство и миряне обкладывались регулярно различного рода пошлинами и взносами. Вот лишь некоторые виды пошлин, взимавшихся с низшего духовенства и мирян по источникам XIII– XIV вв.: 1. подворно-поземельная подать (со всего причта); 2. ежегодная подать мирян и низшего приходского духовенства архиереям, называвшаяся “данью Петровскою” или “Петровским” (собиралась в Петров день); 3. другая ежегодная подать, возникшая из обязанности священников и диаконов содержать архиереев во время их ежегодных объездов епархии – “сборное”, “дань рождественская”, в новгородской епархии – подъезд; 4. “соборная куница” (ежегодный дар священников епископам при приездах на т.н. “сборы” (соброры) духовенства епархии); 5. пошлины в случае перехода в другую епархию; 6. плата за антиминс и плата за освящение, взимаемая в пользу архиерея с церковей, и др. (это отнюдь не полный перечень)¹². Примечательно, что данные «сборы» не нашли отражения в памятниках канонического права. Возможно потому, что проблемы, возникшие в связи с легализацией симонии на Владимирском соборе, не позволили канонически обосновать и другие сомнительные источники церковного финансирования, превратившиеся, однако, в устойчивую традицию (так как некоторые из форм финансирования успешно продолжают существовать и в современной церковной жизни).

Материальная жизнь Церкви, обогащение церковной иерархии, обрастание церкви землями и «недвижимостью» не находили оправдания для мировоззрения «русских протестантов». Церковная иерархия не следовала евангельским

¹¹ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XV в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 29.

¹² См.: Печников М. В. Новгородско-псковское движение стригольников XIV–XV вв. Дисс...канд. ист. наук. М., 2001. С. 103.

аскетическим идеалам, по своему социальному статусу митрополит или епископ мог быть приравнен к крупному феодалу, что в значительной мере провоцировало представителей русских протестных религиозных движений на обличения «официальной» Церкви.

Утверждению «стяжательской» линии в религиозной жизни Древней Руси способствовали различные канонические документы. Памятник канонического права из разряда документов Константинопольского Патриархата по делам Русской Церкви, именуемый «Грамота константинопольского патриарха Германа II к митрополиту всея Руси Кириллу I о непоставлении рабов в священный сан и неприкосновенности имуществ и судов церковных» (1228 г)¹³ – также относится к «стяжательским» текстам. Патриарх Герман в свойственной византийским текстам «витийственной» манере обращается к «любимому брату и сослужебнику» митрополиту Кириллу, одновременно укоряя его (обличает обычай поставления рабов в священный сан «в русстей стране») и поддерживая (по вопросу церковного имущества). Патриарх приводит слова Христа: «не убо могут Богу работати и мамоне» (Мф. 6, 24). Удивительно, как, ничтоже сумняся, в одном документе приводится эта знаковая «нестяжательская» цитата и в то же время обосновывается право Церкви на неприкосновенность ее имуществ; данный парадокс, как это уже было показано, имеет место также и в тексте постановлений Владимирского собора. Патриарх Герман призывает «благочестивых князей и прочим старейшинствующим тамо, да огребаются отинудь от церковных и монастырьскихъ стяжаний» а также не претендовать на «святительские суды»¹⁴.

Для санкционирования церковного обогащения на Руси был сочинен также апокриф «Правило святых отец 165 Пятого собора о обидящих церкви Божия и священные власти их»¹⁵, правило приписывалось Пятому Вселенскому собору. Несмотря на апокрифичность и явную подложность данный документ имел высокий авторитет на Руси, на него ссылались как на канонический документ православной Церкви. Очевидно, что Церковь искала различные пути легитимации «стяжательской» позиции, в том числе посредством подложных документов. В документе отстается неприкосновенность имущественного права Церкви; все, что Церковь имеет – то дано ей Богом (а именно перечисляются «села и винограды», «монастыри»). Те, кто покусился на церковное имущество или обидел служителей Церкви, должен воздать вчетверо («четверицею да въдасть паки вспять церковное»)¹⁶. Для тех, кто не принимает данного правила и начинает «негодовать» относительно церковных владений предусмотрено суровое наказание – «повелеваетъ наша власть техъ огнемъ сжещи; дома же ихъ Святымъ Божиимъ Церквамъ вдати, ихже обидеша». Кроме того, обидящие церкви Божии и монастыри подпадают под церковное проклятие («да будутъ проклятии в сий векъ и будущий»). Существование иного взгляда на экономическую жизнь церковной организации здесь просто не приемлется, а суровость

¹³ РИБ. Т. 6. Ч. 1. С. 79–84.

¹⁴ Там же. С. 82–83.

¹⁵ Там же. С. 145–146.

¹⁶ Возможно, аллюзия на евангельскую историю, произошедшую со сборщиком податей (мыгарем) и богатым человеком Закхеем. Приняв у себя Христа, Закхей пообещал половину своего имущества раздать нищим, и облагодетельствовать всех, с кого брал больше положенного: «если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19, 8), в Ветхом Завете также есть указание укравшему уплатить вчетверо (Исх. 22, 1).

наказаний говорит о *первостепенной важности* имущественного вопроса для церковной иерархии. Невозможно, однако, не задаться риторическим вопросом: «Как такой воинственный настрой вообще соотносится с Евангелием?»

Как мы видим, для проведения церковной политики «стяжательства» в Древней Руси использовались все возможные средства, в том числе создание псевдоэпиграфических текстов воинственной направленности. Идея неотчуждаемости церковных имуществ постоянно поддерживалась церковной иерархией, в том числе посредством грамот и посланий. Епископские послания и грамоты служили инструментом внедрения совершенно определенного курса на сохранение и преумножение церковных владений.

Еще одно свидетельство из канонического права Древней Руси о развитии «стяжательского» дискурса – это грамота митрополита Киприана (1392 г.), направленная Новгородскому архиепископу Иоанну. В ней настойчиво утверждается идея неприкосновенности церковных судов и вотчин: «А что погосты и села и земли и воды и пошлины, что потягло к Церкви Божьи, или купли, или кто даль по души памяти деля¹⁷, а въ то ниединъ хрестианинь не вступается; а кто въступится, того не благословляють божественная правила»¹⁸.

Грамота аналогичного содержания была направлена митрополитом Киприаном и в Псков в 1395 г. Поучения о неприкосновенности церковных имуществ повторяются («А что земли церковныи или села, купли ли будутъ, или кто будетъ даль, умирая, которой церкви, а въ те бы есте земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божия не изобижена была, занеже в томъ грехъ великъ от Бога»¹⁹).

Данные документы должны были путем отсылки к каноническим источникам (а кроме них – и к апокрифическим текстам) *успокоить* верующих, донести мысль о том, что греха в стяжании имущества нет, более того – для Церкви (как организации) стяжания необходимы, она должна позиционировать себя как независимый субъект хозяйствования, должна быть финансово независимой. Однако послания и грамоты не смогли выполнить своей цели. Несмотря на канонические документы, а возможно и в чем-то благодаря им, *успокоения* по данному дискуссионному вопросу в среде верующих достичь не удалось.

Вопрос о церковном имуществе получил развитие в соборной деятельности Церкви, инициатива дискуссий о церковном имуществе принадлежала во многом русским еретикам, стригольникам и жидовствующим, которые упрекали церковные власти в стяжании. Имущественное обогащение Церкви было одним из важных пунктов, по которым еретики отказывались признавать официальную Церковь. Н. С. Суворов приводит такие данные о скоплении недвижимости Церковью в Древней Руси – «Благодаря жалованным грамотам князей, дарениям, завещаниям и отказам со стороны частных лиц и разным другим способам приобретения (окупація незанятых земель, мена, купля, обращение в церковную собственность заложенного церквам и не выкупленного в срок имения) церковные владения к концу XV века настолько расширились, что, по свидетельству посещавших тогда Россию иностранцев, составляли 1/3 государственной территории»²⁰.

¹⁷ Т.е.: «или кто пожертвовал на поминание за упокой души».

¹⁸ РИБ. Т. 6. Ч. 1. С. 229–230.

¹⁹ РИБ. Т. 6. Ч. 1. С. 232–233.

²⁰ Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 383.

Предыстория спора «нестяжателей» и «иосифлян» в памятниках права

Неудивительно, таким образом, что возникло движение защитников нестяжания, т.е. отказа от обладания имуществом монастырями, епархиями и клириками. Для возникновения движения нестяжателей имелись все основания, кроме того, русские еретические движения «подготовили почву» для возвращения Церкви к Евангельской простоте. Нестяжатели, в лице своих авторитетных идеологов Нила Сорского и Паисия Ярославова, возглавили идеологическую борьбу за чистоту церкви, за возвращение ее к идеалам нестяжания и бесребренничества, они указывали на очевидную несовместимость призвания монашеского и владения имуществом. Монахи дают обеты: нестяжания, послушания и целомудрия, соответственно церковное землевладение – это прямое нарушение монашеских обетов.

Иван III поддерживал идеи нестяжателей и надеялся на соборное оправдание их идей. Но на соборе 1503 г., созванном, в том числе, по вопросу церковного имущества, этого не состоялось.

Изучение вопроса об отношении Церкви к материальному благосостоянию по материалам памятников канонического права периода христианизации дает нам возможность проследить «предысторию» известного спора нестяжателей и иосифлян, показать развитие и укоренение в религиозном самосознании идеи «богатой» Церкви, Церкви как института с необходимым материальным и финансовым обеспечением. Предыстория спора и сам спор взрастили также в религиозном сознании, с другой стороны, идею протеста, противления «богатой» Церкви и провозглашения бедности и простоты как естественных, основанных на Евангелии идеалах, на которых и должна строиться церковная жизнь.

Источники и литература

1. *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XV в.: стригольники и жидовствующие. М. 2012.
2. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X – XII вв. М. 1952.
3. *Петрушко В.И.* Московский собор 1503 г. // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 9 – 20.
4. *Печников М. В.* К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 97 – 107.
5. *Печников М. В.* Новгородско-псковское движение стригольников XIV–XV вв. Дисс.... канд. ист. наук. М. 2001.
6. Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI – XV вв. СПб. 1880.
7. *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М. 2004.
8. *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004.